

Небольшой участок пустыря, который Чэн Фэнтай оценил взглядом, оказался настолько мал, что, по его мнению, сад в их семейной усадьбе был гораздо больше. На пустыре толпились самые разные люди: лицедеи, рассказчики комических историй, гадалки, нищие, а также торговцы пельменями и зрители, рассматривающие западные картины. Каждый занимал своё место, и толпа, плотно сбившись, создавала ощущение невероятной тесноты. Шан Сижуй, взяв Чэн Фэнтая за руку, водил его то туда, то сюда, пока они не оказались у лотка с масками, где были представлены разнообразные маски для пекинской оперы.

— Какие замечательные маски! — воскликнул Шан Сижуй. — Очень изысканные! Смотри, это Цао Цао! А вот Хуан Чао! Давай купим по одной, чтобы не пришлось накладывать грим перед выступлением. Надел маску — и готово!

Он примерил одну из них на Чэн Фэнтая, внимательно осмотрел и с сожалением добавил:

— Жаль, что она закрывает большую часть глаз. Без видимых глаз и мимики это не то.

Неподалёку женщина, одетая в яркий сценический костюм, с нанесённым гримом и накладными волосами, с кангой в форме рыбы на плече — это был образ Су Сань. Рядом с ней сидел старик, аккомпанирующий на эрху. Голос женщины был настолько звонким, что даже в шуме Тяньцяо он буквально прорезал гул толпы. Казалось, этот голос был специально создан для таких мест.

— Вот это действительно к месту! — с улыбкой заметил Шан Сижуй.

— Здесь эта песня звучит как нельзя лучше, — согласился Чэн Фэнтай.

Женщина как раз дошла до кульминации песни:

— Су Сань покинула Хунтун, вышла на улицу. Прежде чем заговорить, сердце моё сжалось. Прошу вас, путники, услышьте меня: если кто-то отправится в Нанкин, передайте моему Саньлану, что Су Сань покончила с собой. В следующей жизни я стану собакой или лошадью, чтобы отплатить ему.

Шан Сижуй, слушая, критиковал произношение:

— Слова «улица», «передать», «сказать» — все не так. Произношение хромает. Она, наверное, с юга?

Чэн Фэнтай покачал головой:

— Хозяин Шан, не стоит придирается к уличным артистам.

— Я не придираюсь, просто высказываю своё мнение, — ответил Шан Сижуй, бросая несколько монет в медный таз и кивая женщине с улыбкой.

Где бы он ни встречал артистов, он всегда испытывал к ним тёплое чувство.

Продолжая прогулку, они послушали комический диалог и посмотрели на акробатов. Когда Шан Сижуй только приехал в Бэйпин, он был настолько очарован Тяньцяо, что приходил сюда каждый день, не в силах оторваться. Но теперь, повидав мир, он уже не был так увлечён. Его интересовало другое — можно ли использовать шутки из комических диалогов в своих выступлениях или перенять движения акробатов. Чэн Фэнтай, привыкший к шумным развлечениям Шанхая, не испытывал особого восторга, но находил здесь особый шарм — грубоватый, но очаровательный.

— Когда-нибудь я покажу тебе «Большой мир» в Шанхае. Там ещё больше развлечений, — сказал Чэн Фэнтай.

— Я знаю о нём! Но в Шанхае у меня было слишком мало времени, чтобы туда попасть, — ответил Шан Сижуй, взяв его за руку. — Ты действительно покажешь мне?

Чэн Фэнтай крепко сжал его руку:

— Обязательно.

Пока они разговаривали, к ним подбежала группа грязных детей. Они явно направлялись к Шан Сижую, крича:

— Шанлан! Шанлан!

Чэн Фэнтай и Шан Сижуй, сбитые с толку такой горячностью, отступили на шаг. Дети окружили Шан Сижую, выкрикивая:

— Шанлан! Дайте нам денег на сладости!

Шан Сижуй улыбнулся:

— Каковы мои правила? Чтобы получить монеты, нужно спеть что-то новенькое.

Один из мальчиков выступил вперёд:

— Шанлан! Я спою вам — «Нищий из Бэйтяньюаня, ученик Лю Цзюэра. Бедный студент стал его учителем, передал мне искусство лотосового шеста, с бамбуковым посохом я прошёл через

рынок цветов...»

Шан Сижуй сразу же прервал его:

— «Легенда о Ли Ва». Уже слышал.

Другой ребёнок оттолкнул товарища:

— Послушайте меня! — «В эпоху Чу и Хань народ страдал, в уезде Дачэн появились двое мудрецов. В тот год в уезде случилась засуха, рис и мука стали дорогими...»

Шан Сижуй махнул рукой:

— «Сбор лекарств двумя бессмертными». Это же просто рифмованный стих.

— Шанлан! Я знаю новый!

— Эй! У меня есть новый стих! Шанлан! Их стихи никуда не годятся!

Несмотря на их заверения, ничего нового они так и не смогли предложить. Дети, исчерпав свои идеи, начали тянуть Шан Сижую за одежду. Это были бедные дети из ближайших трущоб, которые раньше пели песни, чтобы выпросить деньги. Шан Сижуй, стоя в стороне, слушал их несколько раз и всегда давал по пять монет. Но когда он услышал все их песни, они всё равно продолжали просить деньги. После нескольких раз он решил, что больше не будет давать просто так, и на этот раз, крепко держа кошелёк, сказал:

— Эй! Не дёргайте меня! Денег всё равно не будет!

Он указал на Чэн Фэнтая:

— Обратитесь ко второму господину, у него есть деньги.

Дети тут же окружили Чэн Фэнтая, крича:

— Второй господин! Дайте нам денег на сладости!

Увидев этих детей — с сопливыми носами, лысыми головами и заячьими губами, грязных и вонючих, Чэн Фэнтай почувствовал отвращение и отступил назад, угрожающе указывая на главного из них:

— Малыш, не подходи, а то я тебя побью.

Затем он с укором посмотрел на Шан Сижую:

— Зачем ты их ко мне направил? Убери их!

Шан Сижуй, заметив, что Чэн Фэнтай, похоже, разозлился, быстро окликнул детей:

— Ладно! Может, я напишу вам расписку?

Дети тут же окружили его, но Шан Сижуй спрятался за спину Чэн Фэнтая, который сердито смотрел на них. Дети, увидев его европейскую одежду, не решались подойти.

— Для расписки нужны бумага и ручка, — сказал Шан Сижуй.

Главный мальчик ответил:

— Это просто!

Он подпрыгнул и сорвал со стены рекламу «Секретный рецепт. Мужская сила», перевернув её, чтобы использовать обратную сторону. Бумага была найдена, но где взять ручку? Шан Сижуй посмотрел на Чэн Фэнтая, и тот, вздохнув, достал свою золотую ручку Parker. Шан Сижуй снял колпачок и неуклюже сжал её в руке, совсем не так ловко, как он владел боевым шестом семьи Шан.

— Эм... «Сегодня я должен...» — Шан Сижуй наклонился к старшему мальчику:

— Как тебя зовут?

Мальчик вытер нос:

— Меня зовут Эрша!

Шан Сижуй рассмеялся:

— Ха! Как второй господин!

Чэн Фэнтай бросил на него сердитый взгляд — сравнивать его с этим нищим!

— Ша... Ша... Второй господин! Как пишется «ша»?

Чэн Фэнтай подумал: «Ты и сам такой же «ша», а ещё спрашиваешь, как это пишется!»

— Я не знаю. Хозяин Шан, разбирайся сам.

Шан Сижуй, подумав, так и не смог вспомнить, как пишется иероглиф, и решил просто нарисовать кружок после «эр». С видом человека, подписывающего смертный приговор, он быстро начертил расписку: «Сегодня я должен Эрша...» Но как написать «ша»? Шан Сижуй объяснил ребёнку:

— Видишь, я нарисовал кружок, это нормально, всё равно.

Чэн Фэнтай подумал: «Разве это одно и то же? Если так, зачем вообще нужны иероглифы?»

Шан Сижуй громко прочитал:

— Сегодня я должен Эрша один серебряный юань. Мастерская Тяньгун обязуется выплатить — знаешь, где это?

— Знаю! На Ванфуцзин!

Шан Сижуй кивнул. Он с лёгкостью удвоил свою обычную щедрость, чувствуя себя благодетелем.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— О! Хозяин Шан, ты хорошо осведомлён! Ты даже знаешь, что мастерская Тяньгун — моё предприятие. Это тоже из сплетен за маджонгом?

Шан Сижуй ответил:

— Я знаю всё. Давай, владелец, подпиши.

<http://bllate.org/book/15435/1368583>